

Лирика Андрея Шацкого в сознании читателя прочно связана с той литературной территорией, на которой встречаются и взаимодействуют искусство слова, переменчивая планида певца, православные контуры неба и былинная слава Древней Руси. Эти черты в разной степени присутствуют в стихах поэта, но никогда не покидают его строки совсем. Лирический герой Шацкого отчётливо сопоставим с проживаемой нами сейчас эпохой, когда, казалось бы, уже названы и многими приняты как единственно верные духовные ориентиры родной земли, однако личное одиночество угнетает душу и распространяется всё шире и шире. Судя по всему, распад советской страны оставил в душе

---

\* Андрей Шацков. Первозимье. Стихотворения. — М.: Вест-Консалтинг, 2017

современного человека незаживающую рану, надлом, который мешает ему расправить плечи и властно заявить о своих чаяниях. Причём речь идёт не о социальных акцентах, не о правде, которую так часто стала побеждать ложь, не о судьбе, которая могла бы сложиться иначе. Перед нами в какой-то степени угасание воли к жизни, которое подпитывается не исчезающей, глубоко спрятанной в сердце горечью.

*Только с замершим сердцем  
творится неладное что-то.  
Только ноги не знают, куда  
в одиночку брести.*

Лирическому герою нужно немного, хотя и бесконечно важное для него: живая мама, чуткая и всё понимающая возлюбленная, детская определённая во взрослой суете, радость от каждой проживаемой минуты. В реальной жизни любой, наверное, захотел бы того же, но в поэзии бесчисленное множество нюансов раздвигают названные ориентиры и помещают в образовавшиеся бреши и поля всё изобилие действительности. Именно так изображены природа и людские взаимоотношения у Андрея Шацкого. Слово сеть с бесчисленным количеством ячеек, его бытие привязано к этим опорам и свисает с них в бездонное пространство морщинами, наплывами и волнами, которым нет конца.

Его часто сравнивают с поэтами Серебряного века. Вероятно,

основания для такого сопоставления есть. Однако Шацкий, скорее, близок авторам первой волны русской эмиграции, которые постепенно стали осознавать, что жизнь скользит сквозь пальцы и нет таких сил, которые могли бы её удержать и вернуть былое. Вот только прошлое у современного поэта и у давних его предшественников совсем разное, тем не менее, само чувство, с которым проживаются мгновения во втором десятилетии нового тысячелетия, чем-то удивительно напоминает лирические настроения минувшего века. Это означает, что Россия вернулась, пройдя виток спирали, в ту же мировую точку, и человек сегодня тоскует подобно своему прадеду.

*Ты забыл нас в сумерках —  
Ярила,  
За три дня до встречи  
Рождества...  
Восковую руку уронила,  
Не окончив знаменья креста.*

*Плыли тучи в северном  
приходе,  
Шли дожди, стуча о корку  
льда.  
До чего не вовремя приходит  
И не в пору — зимняя вода.*

*Я бы, если мог, беду руками  
В вашем топком городе  
развёл.  
Чтоб мосты — поднялись  
в небо сами,  
Шпиль на Петропавловском  
процвёл.*

*Я бы мог... да расточились  
силы  
По бесплодно прожитым  
годам...  
На краю безвременной  
могилы  
Брату руку зябкую подам.*

*Он нальёт вина, отломит  
хлеба...  
Мне ль не знать, по праву  
старшинства,  
Как уходит Ангел дымом  
в небо  
Даже накануне Рождества.*

Здесь приметы внутреннего существования и детали внешнего мира выбраны автором удивительно точно и слиты друг с другом единственно верным для этого стихотворения образом. И нужно отметить, что перед нами герой, вписанный в знакомый городской пейзаж, являющийся его частью и не стремящийся оторваться от горестной земли и найти эфемерное счастье где-то в другом месте, с иными людьми у плеча и любовью, которая совсем не похожа на то, что ещё живёт и дышит в зябкой памяти поэта.

Андрей Шацков прекрасно живописует русскую природу, пожалуй, ещё и по той причине, что понимает себя её органичной частицей. Любовно выделяя её малые штрихи, он словно бы сливается с ней духовно и интеллектуально, отчётливо зная, что за пределами родной земли для него жизни нет. Сегодня так

изображать природный окоём не принято, стихотворная речь стала более компактной и рациональной. Но именно в подобном неторопливом течении поэтических слов, скорее всего, и есть некая соразмерность с прекрасным — с русским пейзажем, русской далью, русским укладом. Потому развёрнутый лирический образ у Шацкова просторен, узнаваем и непосредствен, а локальный — почти случаен.

*Зима не уходит. Под Рузой  
сугробы в лесу.*

*И ночью за окнами светят  
морозные звёзды...  
Вот-вот Благовещенье.*

*Пасха, глядишь, на носу.  
Но грают вороны и рушат  
грачиные гнёзда.*

*И грозен пра-птицы зимой  
замороженный зрак.*

*И северный ветер несёт и  
несёт свои хлопья.*

*Никак не наступит весна,  
не наступит никак!*

*И смотрят грачи  
в леденящую даль исподлобья.*

*Мне в суетном марте  
хватило метелей сполна,*

*И ждать половодья отбило  
любую охоту.*

*Когда же медведи очнутся  
от вечного сна?*

*Когда же возьмутся капли  
с утра за работу?*

*Холодные руки облизнет  
шершавый язык.*

*Мой пёс самый первый  
учует весну за забором:*

Но слышит волков,  
охраняющих логова, рык.  
И видит, как снежные тучи  
несутся над бором...

Между тем, автор прекрасно умеет заморозить читателя обнажённым поэтическим приёмом, почти ничего не добавляя в текст из области смыслов и впечатлений. И тогда видится зрелая рука мастера, для которого ремесло осталось позади, и теперь он старается иметь дело только с волшебством: «И будут падать, отбивая такт // Задорных маршей, юные капли... // И грянет март! Но будет всё не так... // Но будет всё не так на самом деле».

В последние годы широко распространилось словосочетание «православный поэт». Это новое противоречивое понятие соединяется порой с лирикой Андрея Шацкого почти автоматически. Между тем, нелепо обременять литературное творчество церковно-проповедническими задачами. Подобная миссия осуществляется другими людьми, а поэты в таком контексте — почти всегда непослушные пасынки. Они оказываются живым полигоном, на котором разворачивается борьба добра и зла, веры и неверия, сильной воли и уныния. Их уста, в которые Бог вложил дар вдохновенной речи, рассказывают нам о вещах неосознаваемых, о предметах плотных и зримых, о подвиге и падении, о терпении и своеволии. И уже затем мы получаем признания,



Андрей ШАЦКОВ

*Нервозитие*

которые объясняют нашу душу и характер, показывают без утайки все дороги, которые открываются перед нами. Когда поэт сокрушённо говорит об унынии, в его словах мы видим себя. И это — драгоценный подарок, в котором народно-православное начало соединено с внутренним одиночеством горожанина.

*К обедне снег растает  
и земля —  
В постыдной нагоде  
предстанет снова.  
И медью зазвонят, не веселя,  
Колокола Великого Покрова.*

*Как Судный день —  
бестрепетно суров  
По Новому и Ветхому  
заветам,  
Ты наступил, октябрьский  
Покров,  
Предзимье предварив  
по всем приметам.*

*За смертный грех Уныния  
— прости,  
И затвориться дай  
в безмолвной келье...  
Играют свадьбы где-то  
на Руси,  
Но что мне на чужом пиру  
похмелье.*

*Когда в душе сомненья  
и разлад,  
Верши молитвы праведное  
слово.  
И станет звездопадом —  
снегопад  
В урочный день российского  
Покрова!*

Оставаясь одиноким в круге знакомых и близких людей, поэт находит собеседника в историческом прошлом, и почти всегда такая встреча сопряжена с какой-либо роковой вехой, которая из дальней дали притягивает его взгляд и будит в нём силы, которые до поры неведомы и ему самому. И будет справедливо подчеркнуть, что граница между нынешней поэтической душой и депрессивной музой прежних литературных поколений лежит в этой смысловой и нравственной области. Такое отличие не родилось самопроизвольно, без сомнения, тут сказался духовный опыт стояния за правду и справедливость во время Великой Отечественной войны. Полевоенная русская советская

поэзия чрезвычайно насыщена переключками с древними битвами и героями, самопожертвованием и верностью отчей земле. И потому глубокая печаль современной лирики непосредственно связана с нынешним смутным временем, но по отношению к протяжённому русскому бытию она имеет подчинённый характер. Жёсткий вызов эпохи способен извлекать из сердца поэта великие признания. Вот почему его имя стоит поверять этой последней искренностью.

*Он принял смерть, но  
принял на миру!  
И лёг со всеми в братскую  
могилу.  
А ты — один, и твоему перу  
Остановить набега  
не под силу.*

*Но что бы ни пророчил  
этот сон  
И где бы ни стояли вражьи  
кони,  
Ты можешь вздынуть  
колокольный звон,  
Оставив шрам ожога  
на ладони*

*От вервия сияющих лучей,  
Во искупленье посланного  
Спасом.  
И вспыхнут разом тысячи  
свечей  
По всем Святой Руси  
иконоostasам!*